

„Не столь различны меж собой...“

*Я чувствую, как ноют половицы,
 Как жизни продолжается размол,
 Как топчешься ты,
     глядя на страницы,
 Рабочий свой обхаживая стол.
 Мне кажется – хоть годы
     пахнут снегом,
 Ты не усвоил, где пригнуться, чтоб
 Не размозжить о притолоку века
 Высокий свой, открытый правде лоб.*

Н. Благов – Г. Коновалову

Поэт и прозаик: Николай Благов и Григорий Коновалов. На чем держалась их многолетняя дружба? На противоречиях или общности характеров, антагонизме или единстве мировосприятия?

Бегут годы, уходят в мир иной люди, таланты, уходят тайны истоков их творчества. Но пока живы те, кто может помочь нам приблизиться к этим тайнам, надо их слушать – им есть, что сказать.

Мы сидим с вдовой Николая Благова, Лялей Ибрагимовной, в руке у нее папка с надписью “Григорий Коновалов” - это переписка друзей за 30 лет. Все письма, каждую открыточку от Григория Ивановича Ляля Ибрагимовна аккуратно перепечатала на машинке, датировала, подшила. Раскрываем папку – открывается тайна двух писательских сердец.

“Дорогой Николай!

Часто думаю о тебе с любовью. Уж очень хочется встретиться и поговорить, и помолчать вместе. Удивительное, брат, дело: будто прирос к тебе сердцем, а писать письма не пишу. И это в то время, когда приходится писать людям чужим, часто нудным. Ведь почти каждый полковник в отставке (делать-то нечего!) почитает своим патриотическим долгом поучать писателя. А ты притворно благодари его за “ценные замечания”. Есть и умнее, но редко.

Воскресение. Хотел ничего не делать, да скушно стало. Работаю...

Настроение какое? Ты – сильное дарование, тебе грех унывать, тебе работать надо, как каторжнику. Кроме радости труда все другие радости преходящи. Жму руку. Твой старший друг Г. Коновалов”.

Григорий Иванович приехал в Ульяновск после войны, в 1947 году, и начал преподавательскую деятельность в педагогическом институте. Именно ему принадлежала идея создать в нашем городе отделение Союза писателей России (в ту пору литобъединение). Коновалова поддержали другие фронтовики – Бей-

сов, Дедюхин, вокруг них формировался круг молодых, талантливых людей. Среди студентов – рассказывает Л.И. Благова – было очень много пишущих, особенно поэтов. Но Григорий Иванович почему-то сразу выделил среди них Николая Благова. Почему?..

Март 1961. Коновалов – Благову.

“Ты не имеешь права не работать зверски, как Микеланджело, Тарле, Горький, Есенин, Лермонтов. Талант у тебя дай Бог! Подчинись ему, таланту, сожги себя в его творческом огне! Нет выше ничего. Бросим дешевку (еда, питье), будем писать. А стихи твои хорошие! Жму лапу. Твой Г. Коновалов”.

Через несколько лет – снова о том же, но уже с предложением перебраться в Саратов:

“Моя вера в твой талант глубока. Я трезво мыслю, не ошибаюсь, думаю и не собираюсь стеснять тебя, но прошу у тебя разрешения на одно лишь - чтобы мог я хотя бы робко проявлять свою отеческую заботу о тебе. Говорю “отеческую” не потому, что я умнее тебя, а потому, что старше. Ну, если ты против отеческой, то позволь братски заботиться о тебе. ... Ты мне дорог бесконечно как человек и поэт. Я жду, что переезд твой сюда на новое место скажется весьма благотворно на твоём развитии творческом”.

Григорий Коновалов работал в Ульяновске до 1957 года. Квартирный вопрос заставил его искать счастья в Саратове, где и прошла вся его оставшаяся жизнь. В это время писатель работал над романом “Истоки”. Бесконечные встречи - на заводах, стройках, поездках. В гуще жизни лежала правда о войне и людях этой эпохи. А где эта гуща? Не на официальных форумах, не в актовом зале, а, скорее, у пивного ларька, магазина, стадиона. Натянув на лоб старенькую кепчонку, Коновалов шел в “массы”. Нередко встречался он с талантливыми людьми – поэтами, художниками, артистами (о них часто упоми-

нает писатель в своих письмах), но неизменной его привязанностью оставался Благов.

Их встречи (наедине, часто в лесу), бесконечные разговоры, философские споры были необходимы в равной степени обоим. Как будто черпали они из своей дружбы ту суть или истину, из которой рождается творчество.

Литературным кумиром Коновалова всегда оставался Лев Толстой, знающий тайны жизни и смерти. Больших прозаиков он называл народными писателями, Толстого – национальным. Как преподаватель-филолог он оставил после себя немало интересных, оригинальных очерков о русских классиках и советских писателях, но Толстому, как ни странно, посвятил всего лишь одну статью “Приближение к тайне”. Точно так же назвал Благов свой очерк о Коновалове, где сравнивает эпическую природу его дарования с мастерством Толстого, указывая на “неиспелый временем таинственный смысл” поэтической прозы своего современника.

Интересно, что литературные оценки друзей не совпадали. Николай Благов, например, национальным поэтом называл только Пушкина. Он знал наизусть множество стихов, любил читать (и читал замечательно) Лермонтова, Есенина, Блока... Классикам, считал Николай Николаевич, многие пытаются подражать, а ведь “поэты приходят в мир со своей, а не заимствованной болью”. Сколько у нас поэтов, пишущих “под Маяковского” или “под Есенина”. “Под Пушкина” не пишет никто: национальный поэт принадлежит русскому человеку целиком, всем своим талантом, и потому он может только питать талант, разжигать огонь творчества. Но об этом Благов рассуждал разве что с Коноваловым. С ним можно было говорить о самом сокровенном.

30.11.62. Коновалов – Благову.

“Прочитай повесть Солженицына “Один день Ивана Денисовича” во втором номере “Нового мира”. Ничего. Это же подлипovsky. Литературе выдали лицензию на изображение заповедника, разрешили поднять на аршин. До этого она, бедолага, не подозревала будто о таких темах. Время, время, до чего ты сложное, глупое и умное, героическое и подлое. Ладно, не такое бывает в истории...

... Ох, и много о войне... чуть было не сказал “пишут”. Нет, трепу много.

Немалый срам случился с Россией в 1812 году, в стольный град француз, как к б., в постель залезал. А вот граф (Толстой) – литературный мужик обесмертил честь и славу русского народа. Ныне же свихнули свой немудрый умок на покойном грузине, пишут так, будто самым лютым врагом был культ, а не иные силы зла. И суют эту стряпню народу, стряпню, враждебную поэзии, даже элементарной эстетики из двух пальцев. И скажи ты, какие проворные! Правда, дураки всегда смелые были... Ни совести, ни стыда, ни вкуса. Вообще время многозаговорное...

Коновалов работал над романом “Кто убил бога юности”. Этому произведению отдал всю душу, хотя знал, уверен был, что не напечатают. Читал отрывки другу, и Николай Николаевич живо интересовался, как идет работа. Но “Бог юности” так и остался в

рукописи.

Дважды пытался Благов с семьей прижиться в Саратове – родная ульяновская земля тянула назад, он возвращался. Переписка возобновлялась.

“Когда увидимся? – вдогонку другу пишет Григорий Иванович. – Передай привет Мельникову, Пыркову, Дедюхину, Сверкалову. Матери – поклон мой. Всех благ всем Благовым!”

Оба – и Коновалов, и Благов – ищут смысл: в жизни, смерти, этике, искусстве. Спорят о Толстом и Шолохове, Гегеле и Швейцере, о Вернадском, Лихачеве. Но годы тают, и встречи редки. Схватки в литературной среде все крепче, здоровье – слабее. А душа поэта хоть и возвышенна, да хрупка, как песочный дворец: наступишь – рассыпется. И лежит Благов с инфарктом после злого укуса в “Гудке”. Григорий Иванович необычайно взволнован:

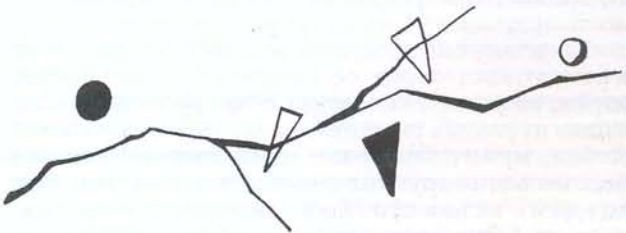
“Запанибратски с сердцем? – грех и преступление. Ты на той вершине жизни, когда тайны свои она открывает тебе. Ты – такое могучее дарование, каких не было с поры, как ушел в землю, оставив душу свою народу, Есенин. Спокойнее. Оглядишься... Опирается можно только на себя, на крепи духовные, на разум. Ах, какая жизнь торжествовала в твоих рассказах о Лермонтове, когда зимой Волгу до островка переходили. А разве забуду: плоскодонки, рыбачим, ты о Гете говоришь? Да есть ли хоть один день, когда бы не жил твой образ во всей своей поэтической неповторимости во мне? С вашим отъездом я осиротел на старости лет. Детское сиротство тяжелое (знаю, отца потерял, когда мне было девять лет). Но сиротство старика ужаснее...” Апрель 1982 года. Самому Коновалову оставалось жить немного.

“Они сошлись: волна и камень, стихи и проза...” О прочности союза двух писателей снова и снова говорят письма.

“Николай, здорово!

Пожалуй, нет дня, а в дне нет часа, чтобы не думал о тебе, не вспоминал тебя, не бормотал твоих стихов. Теперь-то осознал умом и сердцем, кем ты был все эти годы для меня и какой урон моей жизни нанесла разлука с тобой. Твое живое благотворное влияние на меня и мои писания – самое сильное и органическое из всех, какие испытал я за всю мою жизнь. Влияние личности и поэта неразделимо”.

“Лед и пламень. Не столь различны меж собой...”

*С Л.И. Благовой беседовала О. Шейнак;
редакция благодарит вдову поэта за предоставленный семейный архив.*